

УДК 159.9.072

РОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОПЫТА ЛИЧНОСТИ

© 2017 г. М. А. Щукина

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы;

199178, г. Санкт-Петербург, 12-я линия В.О., д. 13А, Россия;

Доктор психологических наук, зав. кафедрой общей, возрастной и дифференциальной психологии.

E-mail: corr5@mail.ru

Поступила 22.03.2016

Аннотация. Статья посвящена анализу места представлений о рождении и смерти в субъективной картине жизненного пути и их роли в экзистенциальном развитии личности. Отмечена важность рассмотрения рождения и смерти не только как социокультурных, но и экзистенциальных событий в истории личности. На материале событийных жизнеописаний респондентов ($N = 399$) выделены эффекты переживания и осмысления рождения и смерти как элементов экзистенциального опыта: эффект присвоения чужого опыта рождения и смерти, эффект дополнения типового жизненного сценария и эффект многократности упоминания событий рождения и смерти. Обнаружено, что респонденты, отмечающие в номенклатуре значимых жизненных событий опыт рождений и утрат значимых других, отличаются большей зрелостью как по биологическому возрасту, так и по ряду личностных характеристик, среди которых целостность и положительная оценка себя, осмысленность целей и субъектность жизненной позиции. Описаны функции событий рождения и смерти в экзистенциальном развитии личности: снятие жизненной неопределенности, актуализация рефлексии и поиска смыслов жизни, становление идентичности, порождение ценностного и ответственного отношения к жизни, демаркация экзистенциального пространства через определение его границ: временных, эмоциональных, субъектных, ментальных.

Ключевые слова: личность, опыт, экзистенциальный опыт, жизненный путь, событие, рождение, смерть.

DOI: 10.7868/S0205959217040043

Современной психологической наукой активно осваивается самостоятельная область исследований на стыке психологии сознания, психосемантики и психобиографии личности — изучение субъективной картины жизненного пути. В фокусе ее внимания находятся содержащиеся в обыденном сознании представления о жизни человека в ее структурном, временном, ценностно-смысловом и эмоциональном планах. Внутренняя картина истории личности открывает психологам доступ к образам и переживаниям человека, касающимся самых разных сторон его бытия, ограниченных только двумя непреложными фактами жизни — *рождением и смертью*.

Рождение и смерть могут быть рассмотрены с четырех сторон: 1) как факты онтологической реальности; 2) как объекты философского и научного познания; 3) как элементы имплицитных теорий обыденного сознания; 4) как элементы

психологического опыта личности. В биографических исследованиях неоднократно регистрировался факт включения респондентами рождения и смерти в перечень ключевых жизненных событий. По данным В. В. Нурковой и коллег, рождение ребенка и смерть близкого родственника являются наиболее частотными в событийных перечнях, встречаясь соответственно в 79% и 68% в мужской выборке и в 82% и 72% в женской выборке (Нуркова и др., 2012). Аналогичные данные получены и на материале обследования другой российской выборки (Алюшева, 2012), а также при опросе респондентов из Австрии (Gluck, Bluck, 2007). В современных культурно-историческом и социокультурном подходах такая высокая частотность объясняется включенностью событий рождения детей и смерти близких в культурную *модель типичной судьбы* человека, представленную номенклатурой типичных жизненных

событий с указанием их значимости и эмоциональной валентности. Такую модель предложено именовать как “культурный концепт биографии” (Habermas, Bluck, 2000), “концепт судьбы” (Нуркова и др., 2012), “культурный жизненный сценарий” (Berntsen, Rubin, 2004) или “нормативный жизненный сценарий” (Гришина, 2015). Обобщая знания о роли культурного жизненного сценария в организации индивидуальных историй жизни, В. В. Нуркова, М. В. Днестровская и К. С. Михайлова (Нуркова и др., 2012) выделяют три его функции: 1) инициирование кодирования в памяти событий, согласующихся со сценарием (это принято помнить); 2) поощрение многократного их воспроизведения в рамках социальных практик (это принято вспоминать и рассказывать); 3) материализация памяти во внешних артефактах (такие мнемические “ключи”, например фотографии, принято хранить). С точки зрения концепции типичной судьбы, рождение и смерть транспонируются в индивидуальное жизнеописание не столько из прожитого опыта, сколько из приобретенного в процессе социализации знания о событийном составе человеческой жизни. Человек включает их в круг значимых жизненных событий, поскольку полагает, что в жизненной истории “для всех” они должны быть представлены и промаркированы именно таким образом.

Несмотря на приведенные аргументы, на наш взгляд, ограничивать детерминацию включения событий рождения и смерти в круг значимых жизненных событий только социокультурными факторами не оправдано. Рождение и смерть — это *факты онтологической реальности* жизни каждого человека. В отличие от вариативных и уникальных жизненных событий они являются априорными элементами жизненного процесса, что безусловно отражается на частотности их упоминаний. Кроме того, можно предположить, что рождение и смерть — события не только жизненного, но и *экзистенциального опыта* человека: не только “должного-для-других” (как элементы культурного жизненного сценария), но и “важного-для-себя” (как элементы субъективно переживаемого важного опыта, а не только знакомого важного). Можно назвать события рождения и смерти частью как нормативного культурного сценария, так и индивидуального (персонального) сценария личности (в терминах Н. В. Гришиной (Гришина, 2011)), частью как биографемы, так и автографемы личности (в терминах Е. Е. Сапоговой (Сапогова, 2014)). Поэтому экзистенциальную значимость данных событий в истории личности уместно рассматривать в качестве еще одного фактора выбора личностью рождения и смерти в качестве центральных жизненных

событий. Однако в психологической литературе пока недостаточно внимания уделено экзистенциальному плану анализа событий рождения и смерти в субъективной картине жизненного пути. Исходя из этого, *целью* данного исследования является анализ экзистенциальной значимости представлений о рождении и смерти в субъективной картине жизненного пути и описание их роли в экзистенциальном развитии личности.

Гипотеза исследования состоит в том, что включенность событий рождения и смерти в субъективную картину жизненного пути определяется не только их наличием в объективной жизненной ситуации и культурном жизненном сценарии, но и отражает экзистенциальное значение данных событий во внутреннем мире личности.

Говоря об *экзистенциальном опыте*, мы придерживаемся позиции, разрабатываемой в современной психологии человеческого бытия и жизненного пути, согласно которой можно выделить несколько принципиально различных видов жизненного опыта: ментальный, жизненный (обыденный), экзистенциальный и др. Ментальный опыт представляет собой результат когнитивного взаимодействия человека с миром и реализуется преимущественно в познании (Знаков, 2013а; Холодная, 2002). Обыденный опыт (в классификации В. В. Знакова (Знаков, 2013а)) или жизненный опыт, по определению Е. Е. Сапоговой, представляет собой “достаточно универсальный комплекс в той или иной мере упорядоченных и доступных сознанию воспоминаний, переживаний, представлений и выводов, извлеченных из происшествий общего с другими повседневного существования” (Сапогова, 2014, с. 69). В экзистенциальном опыте, в отличие от ментального, доминирует не когнитивный компонент, а ценностно-смысловой (Гришина, 2011), а в отличие от житейского — он представлен не воспоминаниями как таковыми, а скорее их осмыслением: извлеченными жизненными уроками и сделанными субъективными бытийными открытиями. На этом основании В. В. Знаков позиционирует экзистенциальный опыт как метасистемный по отношению к опыту повседневному (обыденному), осуществляющий ценностно-смысловую регуляцию и направляющий весь ход жизни человека (Знаков, 2013б, с. 33). Е. Е. Сапогова определяет экзистенциальный опыт как “комплекс персонально значимых концептов, семантически соотнесенных с самой личностью и созданных как индивидуально значимое обобщение содержания и смыслов неких уникальных жизненных событий и обстоятельств, случившихся с человеком и раскрывших свои значения только ему” (Сапогова, 2014, с. 69).

МЕТОДИКА

Для изучения экзистенциальной роли событий рождения и смерти на жизненном пути личности был проведен анализ жизнеописаний, собранных в цикле исследований в период с 2011 по 2014 год с помощью методики “Субъективная шкала авторства жизни” (Шукина, 2015). Было опрошено 399 человек, проживающих в г. Санкт-Петербурге, Ленинградской и Свердловской областях, от 17 до 65 лет (средний возраст 27.8 ± 11 лет).

Диагностическое значение использованной методики заключается в возможности выявить и оценить субъективные представления респондента о мере его активности, творчества в жизни, о вкладе в свое развитие и созидание своей жизни через управление событиями и личностными изменениями. Методика разработана в рамках традиции биографического подхода в исследовании личности и событийного подхода к анализу жизненного пути (Е. Ю. Коржова, А. А. Кроник, Н. А. Логинова, В. В. Нуркова и др.) и предназначена для актуализации и анализа части субъективного опыта личности, который маркируется в сознании как событие жизни.

Как свидетельствует биографика личности, далеко не каждый факт жизни переживается личностью как событие. Только те фрагменты жизни, которые означаются как обладающие смыслом и ценностью, превращаются из факта проживания в факт переживания, в свое событие (“для-себя-событие”) (Сапогова, 2006). Как отмечали А. А. Бодалев и Н. В. Васина, только “если ситуации, возникающие на пути человека, очень заметно воздействуют на системы его организма, вызывают глубокие изменения в психических свойствах его личности, оставляют явный след в его особенностях как субъекта деятельности и как таковые им осознаются, они выступают для него как события” (Бодалев, Васина, 2010, с. 493). Поэтому событие может быть понято как “структурно-функциональная единица жизненного пути, переломный момент жизни, стимулирующий перестройку внутреннего мира и социального поведения личности” (Бочавер, 2008, с. 58). События, как справедливо отмечает К. А. Абульханова (Абульханова, 2014, с. 9), нельзя рассматривать в качестве единственных структурных элементов жизненного пути, представленного разнообразными условиями, обстоятельствами, влияниями и ситуациями. Однако именно моделирование системы событий, составляющих субъективную картину жизни, дает возможность раскрыть важные источники формирования

субъектности человека и тем самым выдвигает события в ранг интегративных единиц психологии человеческого бытия. Это моделирование системы значимых событий жизни призвано раскрыть экзистенциальную реальность жизненного пути с опорой на персональное знание респондентов (Знаков, 2013б, с. 30).

Методика “Субъективная шкала авторства жизни” (Шукина, 2015) включает три части: биографическая анкета “События жизни”; биографическая анкета “Мои изменения”; психологическое эссе на тему “Субъектный опыт развития”. В данном исследовании анализировались только результаты, полученные с использованием анкеты “События жизни”. При заполнении анкеты респонденты последовательно выполняли ряд инструкций:

1. Закончите фразу: Событие жизни — для меня это...

2. Перечислите десять значимых событий из Вашей жизни.

3. Проставьте рядом с каждым событием возраст или период жизни, в который оно происходило.

4. Проставьте рядом с каждым событием его субъективный эмоциональный знак: “+”, если событие для Вас эмоционально положительно; “—”, если событие для Вас эмоционально отрицательно; “+/-”, если оно вызывает сложные, смешанные, неопределенные чувства.

5. Расположите события на шкале (вертикальном отрезке) таким образом, чтобы ближе к нижнему “полюсу” шкалы располагались номера событий, на которые Вы не могли никак повлиять, которые случались помимо Вашей воли, а к верхнему “полюсу” — события, где Вы были автором, инициатором, течение которых было подчинено Вашей воле. Если несколько событий, по Вашему мнению, занимают на шкале одинаковое место, то отметьте их через запятую.

Часть респондентов ($N = 79$) помимо биографической анкеты была дополнительно обследована с помощью ряда методик: “Тест смысло-жизненных ориентаций” (СЖО (Леонтьев, 2000)), “Индекс жизненной удовлетворенности” (ИЖУ (Панина, 1993)), опросник “Уровень развития субъектности личности” (УРСЛ (Шукина, 2015)).

Методика “Тест смысло-жизненных ориентаций”, представляющая собой адаптированную Д. А. Леонтьевым версию теста “Цель в жизни” Д. Крамбо и Л. Махолика, кроме интегрального показателя “Общая осмысленность жизни”

содержит пять шкал: “Цели в жизни”, “Процесс жизни, или интерес и эмоциональная насыщенность жизни”, “Результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией”, “Локус контроля — Я (Я — хозяин жизни)”, “Локус контроля — жизнь, или управляемость жизни”. Баллы по шкале “Цели в жизни” характеризуют наличие или отсутствие в жизни человека целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Показатель по шкале “Процесс жизни” указывает на то, воспринимает ли опрашиваемый сам процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом. Баллы по шкале “Результативность жизни” отражают оценку пройденного отрезка жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна была прожитая ее часть. Шкала “Локус контроля — Я” позволяет оценить меру представления человека о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле. Шкала “Локус контроля — жизнь” позволяет измерить убежденность опрашиваемого в том, что ему дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь.

Опросник “Уровень развития субъектности личности”, разработанный М. А. Щукиной, состоит из шести шкал. Шкала “Активность — реактивность” (АР) направлена на оценку способности человека к самостоятельному инициированию своей активности. Шкала “Автономность — зависимость” (АЗ) отражает меру самодостаточности и самостоятельности человека в межличностных отношениях. Баллы по шкале “Целостность — дезинтегративность” (ЦД) демонстрируют степень интегрированности человека в социальный контекст при соблюдении субъект-субъектной модели отношений в этом контексте. Шкала “Опосредствованность — непосредственность” (ОН) отражает меру использования человеком таких психических средств, как построение программы поведения, осмысление причин и последствий применения этой программы, прогнозирование своего поведения на случай сбоев в программе. Баллы по шкале “Креативность — стандартность” (КС) показывают, насколько широким поведенческим репертуаром в социальных отношениях владеет человек и насколько эффективно умеет менять стратегии взаимодействия с социальной средой в соответствии со своими целями. Шкала “Самоценность — малоценность (ничтожность)” (СМ)

позволяет измерить ценностное отношение человека к себе, доверие к себе.

Методика “Индекс жизненной удовлетворенности”, разработанная группой американских ученых под руководством А. О. Ньюгартена и адаптированная Н. В. Паниной, состоит из пяти шкал. Шкала “Интерес к жизни” отражает степень энтузиазма человека, его увлеченного отношения к обычной повседневной жизни. Шкала “Последовательность в достижении целей” оценивает такие особенности отношения к жизни, направленные на достижение целей, как решительность и стойкость. Шкала “Согласованность между поставленными и достигнутыми целями” позволяет измерить убежденность человека в том, что он достиг или способен достичь тех целей, которые считает для себя важными. Шкала “Положительная оценка себя и собственных поступков” отражает оценку человеком своих внешних и внутренних качеств. Шкала “Общий фон настроения” позволяет оценить степень оптимизма человека, получаемого им удовольствия от жизни.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате обработки полученных данных было обнаружено, что, несмотря на онтологическую очевидность рождения и смерти для каждого человека, люди достаточно редко включают в описание своего жизненного пути именно свое рождение ($N = 73$; 18.3% опрошенных респондентов) или грядущую смерть ($N = 2$; 0.5% опрошенных респондентов), а также пережитую угрозу смерти ($N = 4$; 1% опрошенных респондентов) или клиническую смерть ($N = 3$; 0.75% опрошенных респондентов). Чаще упоминают о рождении и смерти значимых *других*, представителей близкого жизненного окружения: 61.7% респондентов ($N = 246$) упоминает рождение и 45.9% ($N = 185$) — смерть.

При этом согласно культурно типичному жизненному сценарию значительной частью респондентов указаны события рождения детей ($N = 117$; 29.25% опрошенных респондентов) и смерти ближайших родственников ($N = 131$; 32.75% опрошенных респондентов). Однако в случае отсутствия в фактологии жизни такого рода опыта респонденты включают в десятку самых значимых жизненных событий рождение и смерть иных родственников, друзей, домашних питомцев. Так, только 5.75% ($N = 23$) опрошенных наряду с упоминанием рождения своих детей и/или внуков дополняют жизнеописание рождением других родственников, а также появлением в семье

животных. При этом 29.75% ($N = 119$) выборки составляют респонденты, которые при отсутствии в опыте рождения своих детей восполняют его дефицит событиями, связанными с рождением братьев/сестер, племянников, детей друзей, появлением домашних животных и планированием рождения ребенка в будущем. Респонденты, в чьем опыте отсутствует смерть родственников, восполняют его такими событиями, как смерть друзей ($N = 12$; что составляет 75% упомянувших смерть друзей) и домашних питомцев ($N = 23$; что составляет 82% упомянувших смерть питомцев).

Значительная часть опрошенных не ограничивается единичным упоминанием рождения и смерти, а отмечает в качестве жизненных вех несколько событий подобного рода, что выходит за рамки требований культурного жизненного сценария. Процент опрошенных, многократно включающих рассматриваемые события в картину жизненного пути, сходен как для рождения, так и для смерти. Среди людей, упомянувших рождение, 61% респондентов ($N = 150$) упоминают такой опыт один раз, 28% респондентов ($N = 69$) — дважды, а десятая часть опрошенных (11%, $N = 27$) отводит событиям, связанным с рождением, три и более важных жизненных эпизода. Среди людей, упомянувших смерть, 61.1% респондентов ($N = 113$) упоминают такой опыт один раз, 29.2% респондентов ($N = 54$) — дважды, а десятая часть опрошенных (9.7%, $N = 18$) отводит событиям, связанным со смертью, три и более важных жизненных эпизода. Причем данная тенденция связана с возрастом человека. Корреляционный анализ с помощью критерия Спирмена показал, что чем старше опрошенные, тем чаще в их протоколах проявляется описанный эффект (для событий рождения: $r = .339$, $N = 246$, $p = .001$; для событий смерти: $r = .225$, $N = 185$, $p = .002$).

Проведенный статистический анализ (U -критерий Манна–Уитни) обнаружил ряд личностных различий между респондентами, включающими и не включающими опыт рождения и смерти значимых других в субъективную картину своего жизненного пути. Люди, осмыслившие и принявшие ценность пережитого опыта рождений и утрат, представляют группу более зрелую как по возрасту (в среднем 33 года в отличие от 25 лет контрастной группы; $U = 10685$; $p = .001$), так и по ряду психологических характеристик. Они отличаются более выраженной субъектностью жизненной позиции (что оценивалось по более низкой доле объектных жизненных событий $U = 13820$; $p = .009$). Им свойственна готовность к целостному принятию разных

сторон жизни, о чем свидетельствует готовность оценить, включить в число самых значимых жизненных событий не только позитивный, но и негативный опыт, в числе которого и болезненный опыт утрат (по доле положительных жизненных событий $U = 9215$; $p = .001$ и по доле отрицательных жизненных событий $U = 8800$; $p = .001$). Целостность (по шкале УРСЛ $U = 381.5$; $p = .001$) отличает данную группу и в структуре показателей субъектности, демонстрируя способность личности к интеграции с другими людьми, к расширению пространства своей личности за границы индивидуального Я с признанием личностной важности-для-себя событий чужой жизни на фоне более высокой положительной оценки себя и своих поступков (по соответствующей шкале ИЖУ $U = 544.5$; $p = .05$). Зафиксированные различия по данным опросника СЖО показывают, что описываемой группе в большей степени свойственна осмысленность своих целей (по шкале “Цели” $U = 484.5$; $p = .015$) и представление о себе как о личности, способной построить свою жизнь в соответствии с выбранными целями и смыслами (по шкале “Локус контроля — Я” $U = 503.5$; $p = .026$).

Иной психологический портрет обнаруживают опрошенные, включающие факт своего рождения в реестр наиболее значимых жизненных событий. Установлено, что придающие значительную роль в своей жизни факту рождения (18.3% выборки) больше недовольны собой (по шкале “Самоценность” УРСЛ $U = 2571.5$; $p = .048$), характеризуются более низким уровнем субъектной активности как в поведении (по шкале “Активность” УРСЛ $U = 281$; $p = .02$), так и организации своей жизни (по доле субъектных жизненных событий $U = 9389$; $p = .026$). Согласно результатам по опроснику СЖО, у них ниже показатели целеустремленности, осмысленности целей ($U = 279$; $p = .037$) и осмысленности жизни в целом ($U = 288.5$; $p = .05$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

При анализе характера описаний событий рождения и смерти в научных публикациях и в полученных нами данных обнаруживается ряд психобиографических эффектов, которые, согласно выдвинутой гипотезе исследования, подтверждают не только социокультурное, но и экзистенциальное значение данных событий в субъективной картине жизненного пути личности. Это эффект присвоения чужого опыта рождения и смерти, эффект дополнения типового

жизненного сценария и эффект многократности упоминания событий рождения и смерти.

Эффект присвоения чужого опыта. Рождение и смерть отличаются от подавляющего большинства единиц в событийном ряду респондентов тем, что люди упоминают чаще не свои рождение и смерть, а *рождение и смерть других*. Люди регулярно включают факты рождения и смерти *других* людей в очень ограниченный инструкцией *свой* жизненный контекст, актуализируя тем самым вроде бы опыт чужой жизни. Если речь идет о любом другом жизненном событии, то человек, описывая свою жизнь, говорит о себе (пошел в школу, закончил школу, поступил в вуз, вышла замуж, получила права, съездила за границу, переехал в другой город и т.д.). Понятно, почему люди чаще всего не упоминают своего рождения: они его не помнят и не чувствуют себя причастными к его совершению — их субъектность в его осуществлении ничтожна, а наличие в номенклатуре событий — достояние скорее знания, а не памяти. Можно также понять, почему человек редко говорит о своей смерти. Во-первых, в доминирующем большинстве случаев респонденты описывают пройденный жизненный путь, не включая в него грядущие события (иная тенденция характерна только для юношеского возраста). Во-вторых, человека сдерживает некоторое суеверие (“не упоминай — не накликай”). В данном случае поведение людей согласуется с теорией управления ужасом Дж. Гринберга, Т. Пищинского и Ш. Соломона (см. Гаврилова, 2011), утверждающей стремление защититься от тревоги смерти посредством ее отрицания. Однако, вопреки той же теории, половина респондентов (а по данным В. В. Нурковой, напомним, до 72%) устойчиво обращается к опыту переживания утраты, тем самым не избегая факта смертности как такового.

Эффект дополнения типового жизненного сценария заключается в том, что респонденты выходят за рамки культурного жизненного сценария, постулирующего значимость событий рождения детей и смерти родителей. В случае отсутствия в истории жизни подобного опыта, люди не склонны дожидаться его приобретения. Напротив, они обращаются к прожитому опыту приобщения к началу и финалу жизни как таковому, возводя в ранг ключевых жизненных переживаний смерть и рождение племянников, друзей, домашних животных и иных представителей персонального жизненного мира, чья утрата или появление внесли вклад в становление их субъективной картины жизни.

Эффект многократности упоминания рождения и смерти в номенклатуре событий жизни. Он также противоречит логике обязательного культурного сценария судьбы, поскольку выходит за рамки его требований. В описании своей жизни человек не просто отдает дань социальным требованиям, единожды упоминая о рождении детей и смерти родителей, но многократно обращается к пережитому опыту утрат и рождений, стремясь тем самым усилить экзистенциальную наполненность жизненного пути.

Описанные эффекты заставляют предположить, что опыт переживания рождений и утрат является самоценным для личности, значительным не только из-за его связи со значимыми для человека субъектами общения, но и благодаря его вкладу в становление понимания бытия. Для человека оказывается важным не только потеря близкого, но и сам опыт переживания и осознания конечности жизни в его трагичности, неумолимости, непостижимости. Важным является не только рождение своего ребенка/детей как необходимый компонент культурно заданного жизненного сценария, но и переживание и осознание рождения вообще как экзистенциального откровения.

События рождения и смерти можно отнести к описанному А. Маслоу опыту вершинных (предельных) переживаний, обеспечивающих приближение к контакту со смыслами бытия, к выделенному И. Яломом (Ялом, 2000) классу “пробуждающих переживаний”, переводящих человека из режима повседневного существования в режим экзистенциальной рефлексии, а также к предложенной В. Тюпа группе “ментальных событий” (Тюпа, 2006) — событий, повлекших изменения картины мира, переживающего их человека. Как отмечает В. В. Знаков, “экзистенциальные — это только события, оказавшие на человека сильное влияние, в процессе осмысления и понимания которых изменился его внутренний мир” (Знаков, 2013б, с. 33). Обратим внимание, что выделенные биографические эффекты положительно связаны с возрастом респондентов, что закономерно, если учесть значимость экзистенциальных достижений в оценке состоятельности и качества жизни. Для человека с возрастом все важнее принять и утверждать для себя и других, что его жизнь проходит не зря именно потому, что у него был опыт приобретений и утрат, опыт страданий и их преодоления, опыт прикосновения к появлению новой жизни и переживание предельной остроты жизни в моменты, когда он сталкивался с границей бытия. Таким образом, события рождения и смерти в опыте личности можно назвать вехами не только ее социального пути,

но и пути экзистенциального, определяющего систему ценностно-смысловых координат личности, бытийных представлений о мире и о себе. Поэтому их объяснение невозможно без обращения к пониманию роли экзистенциального опыта в становлении внутреннего мира личности и ее мировоззрения. Эту роль можно охарактеризовать через ряд нижеописанных функций переживания событий рождения и смерти на жизненном пути личности.

Снятие жизненной неопределенности. Ситуация развития современного человека — это ситуация социально-политической и экономической неопределенности, непредзаданности сценариев развития будущего и отсутствия четких морально-правовых ориентиров. В быстро меняющемся, неустойчивом, непредсказуемом глобальном мире повышается востребованность самодетерминированной субъектной активности, позволяющей эффективно осуществлять самопостроение личности и жизненного пути в процессе саморазвития и жизнотворчества. Но одновременно повышаются требования к самоопределению и ответственности, вызывая у людей тревогу и неуверенность. В таких условиях рождение и смерть представляют собой фундаментальные факты бытия, не подвластные кардинальным изменениям и не подчиненные личности. Что бы ни случалось, как бы неясно и противоречиво не было будущее, нет никаких сомнений: рождение — было, смерть — будет. Благодаря этому, как ни парадоксально, рождение и смерть способны вызвать не только ощущение непреодолимости и подавленности, но и обеспечить переживание экзистенциальной константности, устойчивости и определенности. Непреложность предельности жизни вызывает созерцательное отношение к бытию и тем самым человек обретает единение с природой и особого рода активность, которая проявляется не в деятельном изменении, но в экзистенциальном переживании бытия (Рубинштейн, 2003, с. 359).

Актуализация рефлексии и поиска смыслов жизни. Рождение и смерть не являются уникальными событиями, случившимися только с кем-то и когда-то. Они, как уже было сказано, входят в жизненный цикл каждого человека, но уникальность их по отношению к иным жизненным событиям состоит в том, что они, как правило, исключаются человеком из разряда обыденности, автоматизма, привычности. И. Ю. Кулагина и Л. В. Сенкевич указывают на то, что в повседневности наблюдается, «с одной стороны, загруженность делами (“суе-та”), с другой — преобладающая в настоящее время прагматическая культура успеха заслоняют от человека проблему смысла жизни и смерти. Часто она оказывается вытесненной из сознания» (Кулагина, Сенкевич, 2013, с. 60). События рождения и смерти

в ближайшем окружении человека становятся катализаторами пробуждения экзистенциального сознания. Они выталкивают человека в экзистенциальный контекст его существования, ставя лицом к лицу с центральными вопросами бытия, в числе которых вопросы смысла жизни и смерти, самоидентичности и самоопределения, свободы построения жизненного пути и ответственности за распоряжение ею. Прикосновение к опыту рождений и смерти *другого* открывает человеку его собственное предназначение. Как указывал С. Л. Рубинштейн, “смысл жизни каждого человека определяется только в соотношении содержания всей его жизни с другими людьми. Сама по себе жизнь вообще такого смысла не имеет” (Рубинштейн, 2003, с. 363). Тем самым события рождения и смерти провоцируют актуализацию рефлексивной жизненной позиции, при которой человек мысленно выходит за пределы непосредственной жизни, прерывает ее неосознанное течение. Как отмечает Д. А. Леонтьев, “*осознание границ жизни* — именно это является тем, что во многом определяет смысл жизни и ее ход” (Леонтьев, 2004). Человек как будто занимает позицию вне жизни и в то же время именно благодаря этому сталкивается с необходимостью осознанно ставить и решать жизненные задачи, делать ответственные жизненные выборы. Опыт переживания и постижения через рождение и смерть необратимости жизни и одновременно жизненной перспективы становится инструментом обретения личностью особых способностей, названных К. А. Абульхановой экзистенциальными или жизненными (Абульханова, 2014).

Становление идентичности. События начала и финала жизни как элементы экзистенциального опыта обеспечивают весомый вклад в созидание Я, поскольку “именно экзистенциальный опыт субъект склонен отождествлять с самим собой и считать его своей жизнью — он раскрывает ему суть того, что есть жизнь и что есть он сам” (Сапогова, 2014, с. 69–70). Возможность рассказывать о своем опыте, в том числе и о негативно оцениваемых событиях, — подчеркивает Р. Фивуч (Fivush, 2001), — обеспечивает высокий уровень самоинтеграции. В своем жизнеописании человек говорит чаще о *чужих* рождении и смерти, но говорит потому, что они являются личностно и экзистенциально значимыми событиями именно его жизни. То, что факты чужого жизненного опыта переживаются и осмысливаются как события *своей* жизни — характерная черта экзистенциальных событий: “Экзистенциальное — это всегда выходящее за пределы внутреннего мира субъекта и оцениваемое с системных позиций: я и другие, я и человечество, человек и жизнь, бытие и небытие и т.п.” (Знаков, 2013б, с. 34). Не случайно, что в полученных результатах

обнаруживается более высокая целостность личности у респондентов, придающих значимость опыту переживания рождения и смерти *других*, трактуемая в данном случае как способность к интеграции с другими людьми, способность к созданию общего социального и смыслового пространства: “Для того чтобы быть собой и понимать свой экзистенциальный опыт, мы должны осознавать неизбежность и закономерность необходимости обращения к опыту других, потому что наш опыт в значительной степени является превращенной формой опыта чужого, других людей” (Знаков, 2013а). В противном случае, как показано в исследовании А. Б. Холмогоровой (Холмогорова, 2003), сосредоточенность на себе, отсутствие интереса к чужой жизни приводит к социальной изоляции и обостряет страх смерти. В этом контексте актуально звучат слова С. Л. Рубинштейна: “Одним из существеннейших параметров, по которым измеряется человек, является отношение к другому человеку, <...> рождению и смерти другого человека” (Рубинштейн, 2003, с. 377). Осознание и переживание опыта рождений и смертей *других*, толкая человека к экзистенциальной рефлексии и экзистенциальному диалогу с миром, играет важную роль в росте личности, осознании человеком своей жизненной миссии, своих ценностей, принципов. Тем самым, как показано Н. В. Гришиной (Гришина, 2015), переживание экзистенциального опыта становится важным фактором становления личностной зрелости и экзистенциальной идентичности.

Особого внимания с этой точки зрения заслуживает часть респондентов, отличающаяся ценностным отношением к факту *своего* рождения. В. В. Нурковой и Г. Ю. Масоловой (Нуркова, Масолова, 2009) установлено, что нанесение на линию жизни своего рождения, отмечаемое у 25% респондентов, связано с высоким уровнем эмоциональной устойчивости и удовлетворенности и с низким уровнем внутреннего конфликта. По данным К. Н. Василевской, М. К. Кабардова и В. В. Нурковой (Василевская и др., 2011), упоминающие “мое рождение” в числе значимых жизненных событий характеризуются наличием сильной нервной системы, высоким социальным интеллектом (*N*) и гибкостью (*QI*). Им свойственен прагматический тип автобиографической памяти, при котором воспоминания актуализируются преимущественно для извлечения жизненных уроков из прошлого и планирования будущих действий. Согласно нашим результатам, данной группе респондентов, как показано выше, свойственны иные черты, которые в совокупности с данными о личностных чертах людей, акцентирующих значимость причастности к рождению и смерти других, заставляет предположить, что центрация на своем Я через

подчеркивание ценности своего рождения является менее зрелой экзистенциальной позицией. Реконструкция события “мое рождение” может быть понята скорее как инструмент построения самоидентичности, актуальный для человека на этапе персонификации, который можно назвать становлением зрелости, когда еще не решенными задачами развития являются поиск и осознание себя, самоутверждение и самопринятие.

Порождение ценностного и ответственного отношения к жизни. Важной чертой экзистенциальных событий является их способствование осознанию непреходящей жизненной ценности (Знаков, 2013б, с. 34). Муки рождения и смерти, столкновение с реальностью инобытия/небытия, ощущение неподвластности воле, сила и глубина переживаний — все, что связано с опытом встречи человека с рождением и смертью, способствует осознанию цены жизни, учит человека уважать ее, принимать ее во всей сложности и неповторимости. Переживание и осознание значимости рождения и смерти порождают ответственное отношение к жизни: своей и других (С. Л. Рубинштейн, И. Ялом и др.). Данный опыт способствует личностной трансценденции (В. Франкл), ибо помогает осознать свое место в глобальном мире, меру своей ответственности и в то же время меру ограниченности своих сил. Как подчеркивается Д. А. Леонтьевым, “осознание неполной контролируемости жизни в результате столкновения со смертью сильнее всего стимулирует ответственность за нее” (Леонтьев, 2004). На эмпирических данных это подтверждено в исследовании Т. А. Гавриловой и С. А. Поповой (Гаврилова, Попова, 2014), где была выявлена свойственная части юношей и девушек конструктивная реакция на факт аутомортальности: повышение ценности жизни, стимулирование жизнеутверждающих тенденций, ответственного отношения к жизни. В этом плане показательно, что переживание смерти как значимого элемента бытия, по данным М. И. Костяной и Ф. С. Сафуанова (Костяная, Сафуанов, 2011), отсутствует у лиц с психическими расстройствами, совершивших насильственные преступления. Им свойственно рассматривать смерть как нечто неожиданное, неестественное, но при этом обратимое и не имеющее негативной окраски.

Демаркация экзистенциального пространства. События рождения и смерти моделируют границы экзистенциального пространства личности, задают рубежи ее осознанной экзистенции в различных контекстах бытия.

• **Временные границы.** Осознание и переживание рождения и смерти, крайних точек прошлого и будущего на оси времени жизни, структурирует

время личности и ее жизненный путь. Переживая и наблюдая рождение и смерть других, человек воссоздает, реконструирует или проектирует свой собственный опыт, который он не может сознательно пережить, не будучи его полноценным субъектом ни в момент рождения, ни в момент смерти. Тем самым человек обозначает границы своей истории и своего Я. Знание о другом становится знанием о самом себе — человеку открывается реальность его собственного онтологического старта, которого он не помнит, и непреложность его онтологического финала, который от него скрыт завесой будущего.

- *Эмоциональные границы.* Рождение и смерть обладают ярко выраженными полярными эмоциональными коннотациями для личности. По нашим данным, 97,4% давших эмоциональную оценку событию рождения отметили его позитивный характер, для событий смерти доля негативных оценок составляет 96%. Причина такой однородности отношений кроется не только в социокультурных нормах восприятия начала и конца жизни, но и в их экзистенциальной значимости. Познав рождение, человек понимает, что есть настоящая, действительная, подлинная радость. Пережив смерть близких, человек постигает подлинность трагедии. Так рождение и смерть становятся мерой оценки повседневности. Они, как максимальный плюс и максимальный минус в переживании, обозначают максимумы значимости, задают ориентиры, эталоны для оценки ценности и значительности других событий жизни. Готовность вместить эмоциональные полюса жизни становится инструментом роста личности. Как показано К. Маклин с соавт. (McLean и др., 2007), более эмоционально зрелыми в среднем возрасте являются люди гибкие и открытые опыту в раннем возрасте и не избегающие рассказов о тяжелых жизненных событиях в период ранней взрослости. Озвучивание своей истории, осмысление негативных эмоциональных событий дает возможность проверить себя и овладеть своим опытом.

- *Субъектные границы.* Согласно оценкам респондентов в нашем исследовании, смерть является чаще всего объектным событием в их жизни — таково мнение 78,4% ($N = 145$) опрошенных. Это событие, которое нельзя ни контролировать, ни предвосхитить, ни предотвратить, которое в полной мере не зависит от произвольных усилий человека (за исключением случаев самоубийства). Тем самым оно в полной мере относится к числу выделенных К. Ясперсом пограничных ситуаций — предельных ситуаций, которые человек не может изменить (Ясперс, 2012, с. 205). Поэтому, по мнению В. В. Селиванова (Селиванов, 2001) и Т. А. Гавриловой (Гаврилова, Попова, 2014), страх смерти может

быть понят как страх асубъектности. Противоположное отношение к смерти наблюдается в тех случаях, когда человек видит свою ответственность в плохом уходе за близкими людьми или животными, признает свою безучастность при наличии возможностей (реальных или воображаемых) предотвратить утрату. Оценки меры субъектности рождений более дифференцированы. Если речь идет о рождении своего ребенка, то люди в большинстве случаев отмечают свою высокую субъектность в данном событии ($N = 126$; 51,2% упоминавших рождения). Если же описывается рождение самого себя или детей у кого-либо из значимого окружения, то респонденты признают меру своего участия стремящейся к нулю. Тем самым рождение и смерть позволяют человеку познать меру своих возможностей и ограничений как субъекта бытия, способного активно преобразовывать мир и себя самого. Становление субъектом жизни, как подчеркивает К. А. Абульханова, является возможным для личности только в результате решения проблемы жизни, наполненной множеством конкретных противоречий. Решение это невозможно без постижения ее пределов, противоположных границ — рождения и смерти. Тем самым понимание, постижение сущности, природы, смысла рождения и смерти является важной жизненной задачей, движение к решению которой становится способом движения к реализации себя как субъекта. Это своеобразный вызов личности, требующий осознания и разрешения, способный стать ступенью на пути к зрелости или к деформациям личности, пессимизму, потере смысла жизни (Абульханова, 2014, с. 8).

- *Ментальные границы.* В рождении и смерти, как и в иных экзистенциальных событиях, всегда остается элемент сакральности, таинственности, непостижимости (Знаков, 2013а; Леонтьев, 2004). Не только возможности свободы и воли, но и возможности познания часто оказываются бессильны перед сущностью пределов жизни. Рождение и смерть определяют границы познаваемого в бытии для конкретного человека и человечества в целом. В отличие от большинства жизненных событий они до конца не понятны: ни по своему механизму, ни по своему “соседству” с небытием или инобытием. По мнению В. С. Знакова, экзистенциальная тайна не только принципиально непостижима, но и не нуждается в разоблачении и разрешении: “Главное для субъекта — не разгадывать тайну, а признать ее самодостаточность и субъективную ценность” (Знаков, 2013а). И тем не менее, и рождение, и смерть постоянно притягивают внимание человека своей неразгаданностью и требуют не только ценностно-смыслового, но и ментального отношения. Именно то, что рождение и смерть обладают не только неистощимой смысловой наполненностью,

но и неистощимой загадочностью, обеспечивая им неуклонное попадание в фокус биографического сознания человека, поскольку, как указывает В. М. Аллахвердов, актуализацию осознания определяет именно гипотетичность, противоречивость, неожиданность, невероятность и непонятность: “мы осознаем то, в чем хоть чуть-чуть сомневаемся” (Аллахвердов, 2000, с. 494).

На основании полученных в исследовании результатов можно сделать **вывод о том**, что отражение событий рождения и смерти в субъективной

картине жизненного пути является выражением их значимости для личности на трех уровнях бытия: фактологическом, социокультурном и экзистенциальном. При этом, несмотря на принципиальные различия реальности рождения и смерти, их экзистенциальное наполнение для личности имеет сходные черты. Приобщение к сущности истоков и угасания жизни открывает для человека многогранность и при этом ограниченность его существования, ценность другого человека и особенности своего Я, важность сознательного отношения к жизни и ее принципиальную непостижимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К. А. Методологический принцип субъекта: исследование жизненного пути личности // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 2. С. 5–18.
2. Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс. Экспериментальная психология. СПб.: ДНК, 2000.
3. Алюшева А. Р. Овладение репертуаром культурных жизненных сценариев как фактор развития макроструктуры автобиографической памяти // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 25. С. 3. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n25/732-alyusheva25.html> (дата обращения: 17.01.2017).
4. Бодаев А. А., Васина Н. В. Акмеология. Настоящий человек. Каков он и как им становятся? СПб.: Речь, 2010.
5. Бочавер А. А. Исследования жизненного пути человека в современной зарубежной психологии // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 5. С. 54–62.
6. Василевская К. Н., Кабардов М. К., Нуркова В. В. Индивидуально-типологические особенности автобиографической памяти // Психологические исследования. 2011. № 2(16). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n2-16/462-vasilevskaya-kabardov-nurkova16.html> (дата обращения: 17.01.2017).
7. Гаврилова Т. А. Тревога смерти в теории управления ужасом Дж. Гринберга, Т. Пищинского и Ш. Соломона // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 45–54.
8. Гаврилова Т. А., Попова С. А. Успешность и содержание совладания субъекта с аутомортальной тревогой // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 2. С. 23–35.
9. Гришина Н. В. Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация // Психологические исследования. 2011. № 3(17). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n3-17/491-grishina17.html> (дата обращения: 17.01.2017).
10. Гришина Н. В. Экзистенциальная психология в поисках своего вектора развития // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1167-grishina42.html> (дата обращения: 17.01.2017).
11. Знаков В. В. Непостижимое и тайна как атрибуты экзистенциального опыта // Психологические исследования. 2013а. Т. 6. № 31. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n31/879-znakov31.html> (дата обращения: 17.01.2017).
12. Знаков В. В. Теоретические основания психологии человеческого бытия // Психологический журнал. 2013б. Т. 34. № 2. С. 29–38.
13. Костяная М. И., Сафуанов Ф. С. Отношение к концепту смерти у лиц с психическими расстройствами, совершивших агрессивные преступления // Психологическая наука и образование. 2011. № 1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2011/1/2050.phtml> (дата обращения: 17.01.2017).
14. Кулагина И. Ю., Сенкевич Л. В. Отношение к смерти: возрастные, региональные и гендерные различия // Культурно-историческая психология. 2013. № 4. С. 58–65. URL: <http://psyjournals.ru/kip/2013/n4/66037.shtml> (дата обращения: 17.01.2017).
15. Леонтьев Д. А. Тест смысловых ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000.
16. Леонтьев Д. А. Смысл смерти: на стороне жизни // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2004. № 5. URL: <http://institut.smysl.ru/article/fead.php> (дата обращения: 02.03.2017).
17. Нуркова В. В., Днестровская М. В., Михайлова К. С. Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 25. С. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n25/734-nurkova25.html> (дата обращения: 17.01.2017).
18. Нуркова В. В., Масолова Г. Ю. Характеристики воспоминаний о детстве и психологический облик взрослого // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2009. № 4. URL: http://psyedu.ru/journal/2009/4/Nurkova_Masolova.phtml (дата обращения: 17.01.2017).

19. Панина Н. В. Индекс жизненной удовлетворенности // *Lifeline* и другие новые методы психологии жизненного пути / Под ред. А. А. Кроника. М.: Прогресс, 1993. С. 107–114.
20. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
21. Сапогова Е. Е. Событие в структуре биографического текста // Культурно-историческая психология. 2006. № 1. С. 60–64. URL: <http://psyjournals.ru/kip/2006/n1/Sapogova.shtml> (дата обращения: 17.01.2017).
22. Сапогова Е. Е. Жизненный и экзистенциальный опыт в автобиографических нарративах личности // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 68–79.
23. Селиванов В. В. Мышление в личностном развитии субъекта: Автореф. ... доктора психол. наук. М., 2001.
24. Тюпа В. И. Коммуникативные стратегии теоретического дискурса // Критика и семиотика. 2006. № 19. С. 36–45.
25. Холмогорова А. Б. Страх смерти: культуральные источники и способы психологической работы // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 2. С. 120–131.
26. Холодная М. А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002.
27. Щукина М. А. Психология саморазвития личности: монография. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015.
28. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 2000.
29. Ясперс К. Философия: В 2 кн. Кн. 2: Просветление экзистенции. М.: Канон +, 2012.
30. Berntsen D., Rubin D. C. Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory // *Memory and Cognition*. 2004. Vol. 32(3). P. 427–443.
31. Fivush R. Owning experience: developing subjective perspective in autobiographical narratives // Moore C., Lemmon K. (eds.). *The self in time: developmental perspectives*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2001. P. 35–52.
32. Gluck J., Bluck S. Looking back across the life span: a life story account of the reminiscence bump // *Memory and Cognition*. 2007. Vol. 35(8). P. 1928–1939.
33. Habermas T., Bluck S. The life story schema // *Motivation and emotion*. 2000. 24(2). P. 121–147.
34. McLean K. C., Pasupathi M., Pals J. L. Selves creating stories creating selves: a process model of self-development // *Pers. Soc. Psychol. Rev.* 2007. Vol. 11. № 3. P. 262–278.

REFERENCES

1. Abul'hanova K. A. Metodologicheskij princip subyekta: issledovanie zhiznennogo puti lichnosti // *Psihologicheskij zhurnal*. 2014. V. 35. № 2. P. 5–18. (In Russian).
2. Allahverdov V. M. Soznanie kak paradoks. Jeksperimental'naja psihologika. St. Petersburg.: DNK, 2000. (In Russian).
3. Aljushева A. R. Ovladenie repertuarom kul'turnyh zhiznennyh scenarijev kak faktor razvitija makrostruktury avtobiograficheskoy pamjati // *Psihologicheskie issledovaniya*. 2012. V. 5. № 25. P. 3. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n25/732-alyusheva25.html> (data obrascheniya: 17.01.2017). (In Russian).
4. Bodalev A. A., Vasina N. V. Akmeologija. Nastojashhij chelovek. Kakov on i kak im stanovjatsja? St. Petersburg.: Rech', 2010. (In Russian).
5. Bochaver A. A. Issledovaniya zhiznennogo puti cheloveka v sovremennoj zarubezhnoj psihologii // *Psihologicheskij zhurnal*. 2008. V. 29. № 5. P. 54–62. (In Russian).
6. Vasilevskaja K. N., Kabardov M. K., Nurkova V. V. Individual'no-tipologicheskie osobennosti avtobiograficheskoy pamjati // *Psihologicheskie issledovaniya*. 2011. № 2(16). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n2-16/462-vasilevskaya-kabardov-nurkova16.html> (data obrascheniya: 17.01.2017). (In Russian).
7. Gavrilova T. A. Trevoga smerti v teorii upravlenija uzhasom Dzh. Grinberga, T. Pishhinskogo i Sh. Solomona // *Psihologicheskij zhurnal*. 2011. V. 32. № 1. P. 45–54. (In Russian).
8. Gavrilova T. A., Popova S. A. Uspeshnost' i sodержanie sovladanija subyekta s automortal'noj trevozhnost'ju // *Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki*. 2014. № 2. P. 23–35. (In Russian).
9. Grishina N. V. Zhiznennye scenarij: normativnost' i individualizacija // *Psihologicheskie issledovaniya*. 2011. № 3(17). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n3-17/491-grishina17.html>. (data obrascheniya: 17.01.2017). (In Russian).
10. Grishina N. V. Jekzistencial'naja psihologija v poiskah svoego vektora razvitija // *Psihologicheskie issledovaniya*. 2015. V. 8. № 42. P. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1167-grishina42.html> (data obrascheniya: 17.01.2017). (In Russian).
11. Znakov V. V. Nepostizhimoe i tajna kak atributy jekzistencial'nogo opyta // *Psihologicheskie issledovaniya*. 2013a. V. 6. № 31. P. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n31/879-znakov31.html> (data obrascheniya: 17.01.2017). (In Russian).
12. Znakov V. V. Teoreticheskie osnovaniya psihologii chelovecheskogo bytija // *Psihologicheskij zhurnal*. 2013b. V. 34. № 2. P. 29–38. (In Russian).
13. Kostjanaja M. I., Safuanov F. S. Otnoshenie k konceptu smerti u lic s psihicheskimi rasstrojstvami, soverшивших agressivnye prestuplenija // *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie*. 2011. № 1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2011/1/2050.phtml> (data obrascheniya: 17.01.2017). (In Russian).

14. Kulagina I. Ju., Senkevich L. V. Otnoshenie k smerti: vozrastnye, regional'nye i gendernye razlichija // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2013. № 4. P. 58–65. URL: <http://psyjournals.ru/kip/2013/n4/66037.shtml> (data obrascheniya: 17.01.2017). (In Russian).
15. Leont'ev D. A. Test smyslozhiznennykh orientacij (SZhO). 2-e izd. Moscow: Smysl, 2000. (In Russian).
16. Leont'ev D. A. Smysl smerti: na storone zhizni // Jekzistencial'naja tradicija: filosofija, psihologija, psihoterapija. 2004. № 5. URL: <http://institut.smysl.ru/article/fead.php> (data obrasheniya 02.03.2017) (In Russian).
17. Nurkova V. V., Dnestrovskaja M. V., Mihajlova K. S. Kul'turnyj zhiznennyj scenarij kak dinamicheskaja semanticheskaja struktura (re)organizacii individual'nogo zhiznennogo opyta // Psihologicheskie issledovaniya. 2012. V. 5. № 25. P. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n25/734-nourkova25.html> (data obrascheniya: 17.01.2017). (In Russian).
18. Nurkova V. V., Masolova G. Ju. Harakteristiki vospominanij o detstve i psihologicheskij oblik vzroslogo // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru. 2009. № 4. URL: http://psyedu.ru/journal/2009/4/Nurkova_Masolova.phtml (data obrascheniya: 17.01.2017). (In Russian).
19. Panina N. V. Indeks zhiznennoj udovletvorennosti // Lifeline i drugie novye metody psihologii zhiznennogo puti / Pod red. A. A. Kronika. Moscow: Progress, 1993. P. 107–114. (In Russian).
20. Rubinshtejn S. L. Bytie i soznanie. Chelovek i mir. St. Petersburg.: Piter, 2003. (In Russian).
21. Sapogova E. E. Sobytie v strukture biograficheskogo teksta // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2006. № 1. P. 60–64. URL: <http://psyjournals.ru/kip/2006/n1/Sapogova.shtml> (data obrascheniya: 17.01.2017). (In Russian).
22. Sapogova E. E. Zhiznennyj i jekzistencial'nyj opyt v avtobiograficheskikh narrativah lichnosti // Voprosy psihologii. 2014. № 1. P. 68–79. (In Russian).
23. Selivanov V. V. Myshlenie v lichnostnom razvitii sub'ekta: Avtoref. ... doktora psihol. nauk. Moscow, 2001. (In Russian).
24. Tjupa V. I. Kommunikativnye strategii teoreticheskogo diskursa // Kritika i semiotika. 2006. № 19. P. 36–45. (In Russian).
25. Holmogorova A. B. Strah smerti: kul'tural'nye istochniki i sposoby psihologicheskoy raboty // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. 2003. № 2. P. 120–131. (In Russian).
26. Holodnaja M. A. Psihologija intellekta: Paradoksy issledovaniya. 2-e izd., pererab. i dop. St. Petersburg.: Piter, 2002. (In Russian).
27. Shhukina M. A. Psihologija samorazvitija lichnosti: monografija. S. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2015. (In Russian).
28. Jalom I. Jekzistencial'naja psihoterapija. Moscow: Klass, 2000. (In Russian).
29. Jaspers K. Filosofija: V 2 kn. Kn. 2: Prosvetlenie jekzistencii. Moscow: Kanon +, 2012. (In Russian).

BIRTH AND DEATH AS ELEMENTS OF PERSON'S EXISTENTIAL EXPERIENCE

M. A. Schukina

*St. Petersburg state institute of psychology and social work; 199178, St. Petersburg, 12 line of V.I., 13A, Russia;
Sc.D. (psychology), Head of department of the general, developmental and differential psychology.
E-mail: corr5@mail.ru*

Received 22.03.2016

Abstract. The article is devoted to analysis of the place of representations of birth and death in subjective picture of life and their role in person's existential development. The importance of examination of birth and death not only as socio-cultural and existential events as well in person's history is stressed. The effects of experiencing and understanding of birth and death as elements of existential experience: effect of assignment of somebody else's experience of birth and death, effect of addition of standard life scenario and effect of recurrence in mentioning of birth and death events have been revealed based on the material of event-trigger biographies of respondents ($N = 399$). It has been revealed that respondents who specified the experience of births and losses of significant others in a number of significant life events are characterized by the greater maturity in biological age and in a number of personal characteristics, with integrity, positive self-appraisal, understanding of goals and subjectivity of life position among them. Such functions of events of birth and death in existential person's development as: removal of life ambiguity, actualization of reflection and search for life meanings, formation of identity, creation of value and responsible attitude towards life, demarcation of existential spaces through establishing its borders (time, emotional, subject, mental) are described.

Keywords: personality, experience, existential experience, course of life, event, birth, death.